

Epic Fail: об античных мотивах в современном мюзикле

Научный руководитель – Бугай Дмитрий Владимирович

Ильина Александра Сергеевна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский

факультет, Москва, Россия

E-mail: asm.fon.bis@gmail.com

Современная культура производит многие продукты, которые связаны с классическими сюжетами. Это совершенно не ново: каждая последующая эпоха пытается понять и переработать опыт предыдущей [4, 5]. Интересным является случай мюзикла *Epic!*, который эксплуатирует античный сюжет об Одиссее. Особый статус этого проекта заключается в том, что он первоначально не являлся коммерческим. Работа над ним началась в 2019 году, хотя первые наброски песен были опубликованы автором (Хорхе Ривера-Эррансом) только в 2021. Площадкой, на которой выходил мюзикл, был TikTok, кастинг на роли проходил там же. В аккаунте Ривера-Эрранса можно отследить весь процесс постепенного создания мюзикла, от нуля и до нынешнего момента. Последние песни были опубликованы совсем недавно — в декабре этого года. На данный момент мюзикл насчитывает 40 песен и разделен на 2 акта, — больше двух часов прослушивания в сумме. Очень серьезный размах для проекта, который первоначально не имел никакого финансирования и создавался исключительно на добровольных основах, — аудитория по какой-то причине полюбила его. Возникает вопрос — по какой же?

Дело в том, что *Epic!* воплощает собой замечательный синтез классики и неклассики, причем во всем — от выбора мифологических линий, на который ставится акцент, и заканчивая психологией героев. Например, в мюзикле проводится явная антропологическая и психологическая разница между героями и богами. Как и в «Одиссее», человеческая природа понимается как слабая и несовершенная, значительно уступающая божественной. Однако зачастую эта дихотомия выражается косвенно (например, как явление Зевса в песне «The Horse and The Infant»: «A vision of what is to come, can not be outrun, can only be dealt with right here and now» [3] («Образ того, что грядет, чего не избежать, и что должно быть совершено здесь и сейчас»)), а «человечность» героя понимается в его личной любовной привязанности или сравнительно с «чужовищностью», на которой человек способен. Очевидно, что на вопрос «За что мы деремся?» у стен Трои Одиссей никогда бы не ответил «За Пенелопу и Телемаху» («What do you live for? Penelope. What do you try for? Telemachus»). Также он вряд ли позволил себе сказать: «Deep down I would trade the world to see my son and wife» («В глубине души я променял бы мир на возможность увидеть сына и жену»). Одиссей хотел вернуться домой, но дрался он по той причине, что исполнял клятву как один из женихов Елены, а также для того, чтобы покрыть себя славой благодаря добродетельному военному поведению. Он дрался не за жену и ребенка, а за себя и за Грецию в целом.

Epic слишком часто обращается к концепции личной вины, которая, как считал Э.Р. Доддс [2], в целом не была свойственна греческому мышлению. Х. Ллойд-Джонс [1] в «Справедливости Зевса» отмечает, что виденье Доддса ограничено его стремлением к фиксации моральных изменений. Сам Ллойд-Джонс принимает более мягкую позицию, сообразно которой культура вины и культура стыда сопричастны в раннем греческом мышлении. Однако даже такая оговорка не позволяет сказать, что гомеровский Одиссей так тяжело личностно переживал необходимость умертвить Астианакта. Можно сравнить

этот эпизод с «Ифигенией в Авлиде» Еврипида. Агамемнон, который вынужден был пожертвовать дочерью для того, чтобы греческие корабли могли без препятствий отплыть от берегов Эллады, рассуждает совсем не как Одиссей. Дело не в том, что Ифигения — просто ребенок; дело в том, что она — плоть от плоти Агамемнона, и, в отличие от Елены, ради которой эта жертва приносится, социально невинна (ничего плохого для греческого общества не сделала). Таким образом, *Epic* рисует греческую психологию слишком персоналистской, какой она могла быть только после появления и распространения христианства, но никак не во времена Гомера.

Однако все эти моменты, отличающие *Epic!* от первоисточника, делают сюжет настолько привлекательным для современного слушателя. Современность впитывает прошлое, образовывая новую форму, задевающую души. Не это ли является настоящей реинкарнацией?

Источники и литература

- 1) Lloyd-Jones H. *The Justice of Zeus*. Berkeley: University of California Press, 1973. P. 226.
- 2) Доддс Э.Р. Греки и иррациональное. СПб: Алетейя, 2000. С. 507.
- 3) *Epic! The musical – The Horse and The Infant* // URL: <https://genius.com/Jorge-rivera-herrans-luke-holt-and-cast-of-epic-the-musical-the-horse-and-the-infant-lyrics> (дата обращения: 05.03.2025)
- 4) Phillippo, Susanna. “The Legacy of Homer[U+202F]: The Iliad Annotations of Jean Racine.” *L’Antiquité Classique*, vol. 65, 1996, pp. 1–29.
- 5) Wygant, Amy. “Medea, Poison, and the Epistemology of Error in Phèdre.” *The Modern Language Review*, vol. 95, no. 1, 2000, pp. 62–71.